

© 1995 г.

С.МАКСУДОВ

О ПУБЛИКАЦИЯХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИС»

С большим опозданием мне удалось познакомиться с полемикой, развернувшейся в вашем журнале и других изданиях по проблеме численности репрессированных в советское время. Речь идет о публикациях Виктора Земскова в «Социс» (в частности, 1992, № 6) и его же статье «Политические репрессии в СССР (1917—1990 гг.)» («Россия XXI», 1994, № 1) и о статье Льва Разгона «Ложь под видом статистики» («Столица», 1992, № 8). Занимаясь изучением этой проблемы довольно давно, я хочу высказать несколько замечаний относительно затронутых вопросов.

Начну с того, что публикация архивных данных о численности ГУЛАГа не была для меня большой неожиданностью, поскольку в самиздатовой статье, включенной Роем Медведевым в 1975 г. в его журнал «XX век» и оттуда перепечатанной в 1977 г. французским советологическим журналом «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», я оценивал потери от репрессий в 1935—1938 гг. в 1—1,5 млн. и, к большому удивлению моих многочисленных оппонентов, оказался прав. В свое время я много расспрашивал бывших узников ГУЛАГа о численности их лагерей и знаю, что большинство из них склонны сильно преувеличивать практическую роль Архипелага и его размеры. Разговоры о грузоподъемности транспортных средств или даже просто о численности мужчин в определенных возрастных группах вызывали у них, как правило, только раздражение или неприязнь. Без особого успеха пытался я объяснить с Александром Исаевичем Солженицыным относительно ошибочного толкования им расчетов И. Курганова. Великий писатель ответил примерно так: поскольку советская власть прячет сведения, мы имеем право на любые догадки. Возмущенные восклицания Льва Разгона, принадлежащего к сильно поредевшему племени узников Архипелага, напоминают мне эти давние встречи и разговоры.

С другой стороны, Виктор Земсков, допущенный одним из первых в спецчасть ЦГАОРа, для чего, как он нам рассказывает, необходимо было иметь по крайней мере вторую форму секретности, воспроизведя обобщенные данные КГБ, подготовленные в свое время для Хрущева, и множество других ранее неизвестных цифр, демонстрирует глубокую убежденность, что эти материалы НКВД—КГБ и есть искомая нами конечная истина или, как он выражается, «подлинная статистика».

Однако до истины нам еще очень и очень далеко; перед нами не более чем материал к размышлению и историческому изучению, в котором пока отнюдь не все ясно. Например, в таблице «Движение лагерного населения ГУЛАГа», воспроизведенной уже в нескольких публикациях («Социс», 1991, №6), имеется графа «прочая убыль». Заключенные не умерли, не вышли на свободу, не бежали, не переведены в другие места, но при этом исчезли, в наличии перестали быть, нет их, убыли. Куда? Как? Улетели? Взяты живыми на небо? Этого нам исследователь не сообщает, хотя, казалось бы, понимание воспроизводимого материала — первая обязанность ученого. Не является ли эта «прочая убыль» эвфемизмом, скрывающим уничтожение заключенных в лагерях, которое по каким-то причинам не захотели включить в графу «умершие»? Случайно ли эта «прочая убыль» резко возрастает в 1938 г. (16 тысяч), снижается в 1940 г. и вновь подпрыгивает в 1941 г.? А сколько из сотни тысяч бежавших и не вернувшихся из бегов в действительности ушли не далеко, а были застрелены рядом с колючей проволокой? По лагерным мемуарам мы знаем, что немало. Статистика Земскова не дает ответа на этот вопрос, хотя он прямо связан с проблемой убыли лагерного населения (в 1934—1937 гг. разница между численностью бежавших и вернувшихся из бегов примерно равна числу умерших в лагерях!) Загадочным представляется и число заключенных, перебрасываемых из лагерей в лагерь. Причины таких перевозок понятны, где-то начинается новое строительство, где-то не хватает рабочих на лесоповале и т.п. Но почему численность прибывших из лагерей

НКВД в другие лагеря НКВД в 1938—1945 гг. почти на 200 тысяч меньше, чем число отправленных? Не прятали ли начальники лагерей за этими перебросками повышенную убиль заключенных? Ответа на этот вопрос мы напрасно будем искать в статьях Земскова. А без понимания этих и многих других проблем, без проверки этой обобщенной статистики на материалах движения зеков в отдельных лагерях, без сводных данных об арестованных, сидящих в тюрьмах, в колониях, оказавшихся в ссылке и так далее, мы не можем начинать серьезный разговор о размерах сталинских репрессий. Закончим же мы его, когда за сводными статистическими таблицами сумеем рассмотреть имена и судьбы отдельных людей, когда сможем позволить себе произнести сакраментальную фразу: «Никто не забыт», но до этого, ugy, еще очень далеко.

Существенный недостаток работы Земскова заключается в том, что он принимает на веру любые архивные сведения, попавшиеся ему под руку, не пытаясь ни проверить их, ни представить картину происходящего в целом, не задаваясь вопросом о надежности и полноте используемой им группы документов. Дело обстоит сравнительно неплохо, когда речь идет об обобщенных данных, сводках, составленных сотрудниками ОГПУ—КГБ для начальства и будущего историка, но, к сожалению, они проделывали такую работу не слишком часто. Например, Земсков рассказывает нам, что случилось с кулаками: «в 1932—1940 в кулацкой ссылке родилось 230258, умерло 389 521, бежало 629 042 и возвращено из бегов 235 125 человек». Необычайно точные цифры, но о положении кулаков они не говорят почти ничего. Во-первых, потому что учет движения населения был в тот период неточным по всей стране, а в кулацких поселках ЗАГСы открывались в последнюю очередь, качество учета было необычайно низким и все сведения носят крайне приблизительный характер. Во-вторых, депортации кулаков начались в 1929 г., массово развернулись в 1930—1931 гг. Именно для двух последних лет важно знать число бежавших, умерших и родившихся, число арестованных и затем переведенных из тюрем и лагерей в ссылку. Без этих данных никакое серьезное заключение о размерах потерь кулаков в ссылке невозможно, и рассуждения Земскова выглядят совершенно необоснованными.

Странной кажется и ссылка Земскова на архивные данные о рождаемости и смертности на Украине: «По данным Центрального управления народохозяйственного учета Госплана СССР в 1932 г. на Украине родилось 782 тыс. и умерло 668 тыс., в 1933 г. — соответственно 359 тыс. и 1309 тыс. человек». Эти цифры позволяют ученому сделать вывод, что оценки потерь украинского населения «сильно преувеличены». Исследователи из ЦСУ, серьезно занимающиеся демографической статистикой (*Андреев, Царский, Харькова*. Население Советского Союза 1922—1991. М.: Наука, 1993. С. 44.), показали, что в 1930—1933 гг. неполнота статистических сведений по СССР относительно рождаемости составила 41,5%, а по смертности — 93,5%. Совершенно очевидно, что в пострадавших районах Украины неполнота учёта в голодные годы была много выше, чем в среднем по стране. Ссылка Земскова на заведомо неполные и потому ни о чем не говорящие данные, свидетельствует лишь о его неумении критически работать с источниками. Кошунственно звучит и его обобщающее утверждение о причинах гибели сельского населения в 30-е годы:

«В число жертв репрессий часто включаются умершие от голода в 1933 г. Безусловно, государство своей фискальной политикой совершило тогда чудовищное преступление перед миллионами крестьян. Однако включение их в категорию "жертвы политических репрессий" вряд ли правомерно. Это — жертвы экономической политики государства (аналог — миллионы неродившихся в результате шоковых реформ радикал-демократов российских младенцев)». Кошунственно само сопоставление умерших от нехватки еды и не появившихся на свет, незачатых в результате планирования семьи детей. Что касается вопроса: была ли смерть миллиона казахов, миллионов украинских и русских крестьян следствием экономической фискальной политики государства или результатом коллективизации (насильственного политического преобразования деревни), — это, несомненно, важная серьезная проблема, и легковесные рассуждения Земскова лишь свидетельство уровня его некомпетентности.

Говоря о высылке крымских татар, Земсков также опровергает опубликованные сведения ссылкой на архивные материалы: «Из документов следует, что из 151 720 крымских татар, направленных в мае 1944 г. в Узбекскую ССР, было принято по актам органами НКВД Узбекистана 151 529, а в пути следования умер 191 человек (0,13%). Другое дело, что в первые годы жизни на спецпоселении в процессе мучительной адаптации смертность значительно превышала рождаемость. С момента первоначального вселения и до 1 октября 1948 г. ...у крымчан 6 564 [родилось] и 44 887 [умерло]. С 1949 г. рождаемость стала выше смертности».

Движение эшелонов с крымскими татарами продолжалось 15—20 дней. Смертность 0,13% (по 10 человек в день) для населения с повышенной долей стариков и детей — это меньше, чем

была естественная убыль крымских татар в мирные предвоенные годы. Хотелось бы спросить руководителей операции Кобулова и Серова: как вам удалось при перевозке в вагонах по 70—100 человек, при отсутствии врачей, пищи и воды снизить норму смертности арестованных по сравнению с обычными условиями жизни? Но и так ясно, что они на это ответили бы: нет таких крепостей, которые мы — большевики — не смогли бы взять. Очевидно примерно так же думает наш ученый. Мы же заметим, что перед нами очевидная туфта, какой в отчетности НКВД, конечно, не мало. Убедиться в этом можно, познакомившись с воспоминаниями переселяемых и рассмотрев всю группу известных документов о высылке татар. Вот что рассказывал, например, в ЦК КПСС в 1957 г. известный крымско-татарский писатель участник войны Шамиль Алядин: «В 2 часа ночи 17 мая 1944 г. внезапно ворвались в квартиры татар оперативные работники и вооруженные автоматчики войск НКВД, вытащили спавших женщин, детей, стариков из постелей и, наставляя на их груди автоматы, приказали в течение 10 минут покинуть квартиры... Выехали люди голые и голодные, ехали месяц, в закрытых душных вагонах возникли тифозные болезни: дети, старики стали умирать от голода и болезни. Солдаты войск НКВД хватали мертвцов, **выбрасывали их в окна вагона**» [выделено мною. — *СМ.*] (Цит. по: *Александр Некрин*. Наказанные народы. Нью-Йорк, 1978. С. 96). Таких свидетельств собрано несколько тысяч. Об огромных потерях рассказывают и архивы. В апреле 1944 г. Серов и Кобулов сообщают Берии, что на 1 апреля 1940 г. в Крыму проживало 218 тысяч крымских татар, из них 20 тысяч были призваны в Красную Армию. В свою очередь Берия согласовывает со Сталиным выселение крымских татар и расселение их в Узбекистане. 19 мая Кобулов и Серов рапортуют, что «подвезено спецконтингента к станциям погрузки 165 515 человек. Отправлено к местам назначения 50 эшелонов численностью 136 412 человек. Операция продолжается». («Моск. новости». 1990. 14окт.). Из докладной записки первого секретаря Крымского обкома ВКПб Тюляева в ЦК ВКПб от 14 октября 1944 г. следует, что всего было вывезено 194 111 крымских татар (*Некрич*. Цит. соч. С. 96). Прибыло же к 1 июля 1944 г., как уже было известно из документов, демонстрировавшихся КГБ на процессах татар, многократно опубликованных на западе и теперь вновь «открытых» Земсковым в архивах, 151 424 человека («Ташкентский процесс». Амстердам, 1976. С. 200). Для серьезной научной оценки потерь от переезда следует рассмотреть первичные материалы НКВД о депортации и расселении, воспоминания очевидцев, а не липовые расписки и ведомости. Но и сейчас достаточно очевидно, что речь идет не о 190, а о многих тысячах человек. По данным НКВД, представленным в докладе В.И. Мукомоль («Депортированные народы в Средней Азии: проблемы и перспективы демографического развития». Ашхабад, 1991), за первые 4 года ссылки татары потеряли 20% населения. Данные о численности спецпоселенцев на 1 января 1953 года — 165 259 крымских татар, опубликованные Земсковым («АиФ». 1989. №39), свидетельствуют об убыли с 1940 г. 53 тысяч человек. Судя по численности детей, составлявших больше половины ссыльных (надо помнить о запрете аборт и об отсутствии каких-либо средств ограничения рождаемости), в нормальных условиях должен был быть некоторый прирост населения. В предвоенные годы (1937—1940) прирост крымских татар был 2% (4 тыс. человек) в год. Для 1941—1952 гг. можно было бы ожидать при нормальном уровне смертности прирост в 1% (2 тыс. человек) в год или 20—25 тысяч человек за весь период. Таким образом, суммарные потери крымских татар в 1940—1953 гг. составляют приблизительно 70 тысяч человек, то есть около 40% от средней за период численности населения. Следует, очевидно, подчеркнуть, что речь идет о погибших раньше времени людях, а не о снижении рождаемости. Эта оценка довольно близка к результатам расчетов самих татар, сделанных с помощью массового опроса населения в Узбекистане в 60-е годы (46%), и необычайно далека от 0,13%, о которых пожелал нам вдруг сообщить Виктор Земсков, опровергая «домыслы» демократической прессы.

Число раскулаченных — 10 млн. человек кажется Земскову преувеличенным, и он безапелляционно заявляет: «Их было 4 млн.». В действительности 4 млн. — это минимальная оценка тех, у кого имущество было отнято насильственным путем по решению специальных комиссий в 1930—1931 гг. Кроме того, примерно у 600 тысяч семей (около 3 млн. человек) имущество было конфисковано в 1929—1932 гг. по постановлению суда за неуплату вовремя непомерно высоких налогов. Наконец, 400—500 тысяч сельских семей (2—2,5 млн. человек) за годы коллективизации «самораскулачились», то есть бросили дома, землю и бежали в город, на стройки, в другие районы страны. Таким образом, общее число пострадавших от политики раскулачивания близко к 10 млн. и заведомо выше 4 млн. Земскова.

10 млн. репрессированных в 1941—1946 гг. для Земскова «уж совсем фантастика». Однако в лагерях, колониях и тюрьмах в 1941 г. находилось около 2,1 млн. человек, прибыло в лагеря за

1941—1945 г. из других мест заключения еще 2,3 млн. («Социс». 1992. №6), отправлено в ссылку более 2,5 млн. (немцы, поляки, прибалтийцы, репрессированные народы, жители Украины и т.д.), подвергнуто судебному наказанию в армии (в основном штрафные роты) 900 тыс. человек («Гриф секретности снят». М., 1993. С. 140), потери партизан в борьбе с Красной Армией на Западной Украине и в Прибалтике около 200 тысяч. Через фильтрационные лагеря НКВД со сроком пребывания от нескольких недель до нескольких месяцев прошли почти 5 млн. советских граждан, побывавших в оккупации или плену. Итого заметно более 10 млн. жителей СССР столкнулись в годы войны с репрессивной машиной НКВД. Это, к сожалению, никак не фантастика, а политическая реальность. Кроме того, пострадали и иностранцы. Почти 2 млн. немцев и японцев были изгнаны из их домов в Кенигсберге и на Сахалине, 4 млн. немецких и японских военнопленных оказались в специальных лагерьях.

Разоблачает Земсков и суммарные потери — 40 млн. человек, о которых говорил Рой Медведев, а цифра «50—60 млн. человек физически истребленных и умерших в результате террора, репрессий, голода, коллективизации и др.» заставляет его усомниться в «научной добросовестности всех этих авторов. Здесь, скорее, речь можно вести о том, сколь добросовестно они потрудились над выполнением заказов политиков и спецслужб своих стран с целью дискредитировать в наукообразной форме своего противника по "холодной войне"». Эта навязывая в зубах декларация советской пропаганды о западных провокаторах и агентах убога и смешна и не сопровождается хоть сколько-нибудь убедительными аргументами. Их и не может быть, поскольку современные демографические расчеты московских ученых хорошо подтверждают оценки, сделанные в свое время на западе. Например, в своей работе 1977 г., опубликованной во Франции, я подсчитал, что повышенная убыль советского населения (то есть люди, умершие раньше своего часа) составила в годы гражданской войны 10,5 млн. и около 3,5 млн. эмигрировало, в 1930—1938 гг. — 7,5 млн., в 1939—1953 гг. — 24,5 млн. (еще около 3 млн. эмигрировало в послевоенные годы в Польшу). Эти 42, а с эмиграцией, почти 50 млн. человек представлялись мне минимальной суммарной оценкой потерь. Сегодня похожие результаты получили русские демографы и историки. Для гражданской войны оценка потерь принимается 10—12 млн. («Народонаселение». Демографический словарь. М., 1994. С. 344). Потери коллективизации (1930—1941) демографы Андреев, Дарский и Харькова оценивают в 7 млн., а потери войны в 26,6 млн. (Цит. соч. С. 60, 77). Таким образом, повышенная убыль советского населения оценивается сегодня в России в интервале 40—50 млн. Эта огромная цифра — цена чудовищного эксперимента власти над населением.

Земсков справедливо указывает, что не только в Институте истории, не только в КГБ, но и на западе были ученые, сомневавшиеся в подобных оценках. В частности, С. Виткрофт «доказывал», что никакого голода в 1933 г. практически не было, а небольшая повышенная смертность была вызвана распространением на юге Украины малярии и других заболеваний (CREES Discussion Papers. Soviet Industrialisation Project Series. 1982. №20, №21). Сегодня он и его коллеги изменили позицию, усиленно работают в советских архивах и стараются не вспоминать о своих прежних утверждениях. Рассуждения же о том, что нанятые ЦРУ «ученые» выдумали большие цифры советских потерь, как и идея, что ответственность за потери несет не советское правительство, а его противники, несерьезны, да и не слишком этичны. В частности, Земсков напоминает нам, что «в свое время возглавляемая академиком Н.Н. Бурденко Чрезвычайная Государственная Комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников установила, что на оккупированной территории было убито и замучено 10,7 млн. советских граждан». Несомненно, нужно внимательно рассмотреть результаты работы этой комиссии, там может оказаться немало ценных материалов и свидетельств. Но не следует при этом забывать, чьи приказы послушно выполнял академик Бурденко. В частности, мы знаем, что комиссия провела в Катюши повторное вскрытие могил и «доказала», что польские офицеры были расстреляны немцами в 1941 г., соответствующие документы были представлены советской делегацией в Нюрнберге. Я думаю, одного этого факта достаточно, чтобы отнестись к свидетельствам комиссии Бурденко с определенной осторожностью.

Возвращаясь к содержанию дискуссии, развернувшейся вокруг публикаций архивных документов в журнале «Социс», следует заметить, что Лей Разгон и его единомышленники, включая А.И. Солженицына, не слишком хорошо представляли общую численность лагерей и заметно преувеличивали их размеры. При этом на своем опыте они знали об Архипелаге нечто необычайно существенное, его дьявольскую античеловеческую природу. С другой стороны, Виктор Земсков, опубликовавший множество документов НКВД-КГБ, насколько я могу судить, остается весьма далек от понимания сущности ГУЛАГа и характера социально-

политических процессов, происходивших в стране. Не различая степени точности и достоверности отдельных цифр, не проводя критического анализа источников, не сопоставляя новых данных с уже известными сведениями, автор абсолютизирует публикуемые материалы, выдавая их за конечную истину. В результате его попытки обобщенных утверждений со ссылкой на тот или иной документ, как правило, не выдерживают критики. Поэтому, как это ни удивительно, в суждениях о характере и размерах потерь советского населения эмоциональные выкрики бывших лагерников оказываются более верными, чем рассуждения допущенного к архивам КГБ научного сотрудника.